

УСПЕХ спектакля «День рождения Терезы» на сцене театра имени Пушкина, как и сам спектакль, громок, решителен. О нем стало известно очень быстро: сразу же после премьеры билеты раскупили на месяц вперед. А между тем пьеса Георгия Мдивани вызывала некоторые опасения за свою сценическую судьбу.

Драма «День рождения Терезы» — плод поездки писателя на героическую Кубу. Написанная взволнованно, по горячим следам событий, пьеса, однако, не всегда выдерживала логику характеров, была рыхла композиционно. Необходимость серьезных доработок в процессе репетиций была очевидна. И вот Б. Равенских берет эту пьесу вчерез месяц — через месяц — выпускает яркий спектакль.

Театр сделал очень рискованную, на первый взгляд, вещь. Он не стал «выпрямлять», прояснить в характерах психологические неточности, недоговоренности — он попросту убрал их. Герои стали откровенно однозначными, несложными.

Риск целиком оправдал себя, ибо режиссер угадал природу эмоционального воздействия пьесы Мдивани. Пьеса не столько многообразием человеческих характеров, точными психологическими ходами. Но она может волновать так же, как волнуют, без остатка захватывают вас скупые строки газетных корреспонденций о сражающейся Кубе, как огневые речи Фиделя Кастро. Спектакль открыто публицистический, спектакль — бурлящий митинг, на пределе напряжения выполненный плакат — вот что увидел в пьесе Мдивани режиссер Борис Равенских.

«Фидель! Почему янки убивают наших детей?» — потрясен-

„ГОВОРИТ ГАВАНА..“ ТЕАТР

но кричит потерявшая сына Тереза. Торжественная и суровая музыка заглушает ее крик. И удивительно, неразрывно сливаясь с ней, — негромкий и твердый голос, произносящий нерусские слова: записанный на пленку голос Фиделя Кастро. На авансцене — трое, легендарные бородачи с автоматами на шее. Повернувшись спиной к зрителям, начинают подниматься они вверх...

Этот медленный, несокрушимый шаг и музыка, лейтмотивом борьбы прошедшая через весь спектакль, и голос Фиделя — могучий заключительный аккорд спектакля, высший его взлет. Поднявшись на самую верхнюю площадку сценической конструкции, бородачи вновь поворачиваются лицом в зал и застывают, грозно ощерившись автоматами. Слово скульптурная группа вдохновенного художника, не успевшего отделать детали, придать своей работе черты законченности, но поразительно уловившего главное, определяющее — беспредельное мужество и стойкость, ежечасную, ежеминутную готовность победить или умереть.

А пьеса — пьеса заканчивалась многократно повторенным восклицанием Терезы — горем, отчаянием матери, потерявшей сына. Пожалуй, именно финал с наибольшей очевидностью дает понять, где и в чем театр пересмыслил драматургию. Ведь даже в характере Терезы, наиболее многомерном характере пьесы, Б. Равенских и актриса Л. Гриценко приглушают черты личной человеческой драмы, а точнее будет сказать — возводят ее в степень гражданской скорби кубинской женщины-патриотки.

Нет, не растратила Лилия Гриценко природного темперамента, выверенного актерского мастерства, долгое время не выступая на сцене. Ее работа в новом спектакле театра имени Пушкина убеждает в этом. И пусть не очень захватывает нас поздняя любовь Терезы к мужественному бородачу Эдуарте Грасно, с немалой долей банальности написанная драматургом, — бог с ней, с этой любовью. Но зато, когда в предфинальной сцене в зрительный зал несет «Фидель! Почему янки убивают наших детей?»

в этом крике вам слышится не только боль за сына Хосе, но и великое горе матери, оплакивающей сотни сыновей, дочерей Кубы, погибших в прекрасной и неравной борьбе.

Образ решен плакатно... В рецензиях последних лет эти слова обычно звучали упреком. И вот спектакль, в котором все лучшее, что в нем есть, решено плакатно. Он не претендует на то, чтобы передать многообразие и сложность кубинской революции, исчерпать до дна характеры ее героев. Это еще предстоит сделать — Равенских ли, другому ли остро чувствующему современность мастеру. А «День рождения Терезы» — словно бы сценический символ революционного энтузиазма, охватившего народ Кубы.

В такое решение спектакля на редкость органично вписываются и юный Хосе (артист В. Буров) с его категорическим требованием — к стенке всех, кто не улыбается, ибо раз не улыбается, значит не рад революции; и его невеста Альфа (артистка Т. Лякина), словно сотканная из радости Кубы, танца Кубы, солнца Кубы, Альфа, которой нужен всего один выстрел из кольта, чтобы насмерть поразить цель. Аполонию (артист Г. Шевцов) и Вентура (артист В. Саянов) — люди с самого начала резко антипатичные, с фальшивыми улыбками, бегающими глазами и наигранно бодрыми голосами. Правильно, такими и должны быть на плакате враги.

В бытовом спектакле все это было бы, разумеется, невозможно. Нестерпимой фальшью прозвучала бы речь Фиделя на поле еще не кончившей битвы. Ничего, кроме усмешки, не вызвала бы дочь Терезы Виолетта, которая, услышав выстрелы мятежников, побежала переодеваться, чтобы встретить их непременно в форме народной милиции. А в спектакле Б. Равенских эти детали безошибочно бьют в цель. Режиссер возрождает жанр сценического плаката в совершенно чистом виде, нигде не подстраховывая себя бытовым правдоподобием, смело идя в своих решениях до логического конца.

Удивительно пластическое решение спектакля — безупречно

выверенная четкость, скульптурная броскость мизансцен.

...Шагая в ногу, широко и свободно, подходит к бару Терезы ее друзья. Крестьяне с солдатской выправкой, они принесли сюда запах палаша солнца и щедрой, свободной кубинской земли. И когда потом они слышат выстрелы — встанут и уйдут точно так же, неспешно, сосредоточенно, строго — что ж, им знакома и эта работа, неблагодарная, но необходимая, и если их вынуждают, они выполнят ее не хуже всякой другой.

А когда Хосе срывающимся от волнения голосом рассказывает о подвигах каждого из них, крестьянин-воин резко поворачивается лицом в зрительный зал и смотрит куда-то вперед твердо, пристально, словно не замечая Хосе. Звучит музыка, та самая, которую мы услышим в величественном финале: перед человеком проходят в памяти последние месяцы — месяцы изнурительной, кровопролитной борьбы и победы, добытой нечеловеческим напряжением сил. Постепенно, исподволь вырастает образ непокоренной Кубы, так потрясший нас в финале спектакля.

Или вспомните последнее явление на сцене предателя Аполонию. Он крадется, блудливо озирается по сторонам. А с другой стороны, в точно таком же ритме, почти повторяя его движения, ползет Альфа. Да, движения те же, но и совсем иные. Оба насторожены, напряжены, но у Аполонию — растерянность, животный страх, у Альфы — отчаянная решимость. Так движутся они до тех пор, пока не сталкиваются лицом к лицу в самом центре сцены, пока не прорезает воздух пронзительный, резкий выкрик Альфы.

Пластическая выразительность мизансцен такова, что драматическое действие естественно, непринужденно переходит в танец. Танцев, вихревых, темпераментных танцев Кубы, в спектакле много. Убыстряется ритм действия, ширится, нарастает, искрится безудержное веселье свободных, счастливых людей — и вдруг обрывается тревожной тишиной: слишком близко проорочал американский самолет или раздался из радио-приемника взволнованный жен-

ский голос: «Говорит Гавана! Говорит Гавана...»

Однако обилие танцевальных сцен все-таки чрезмерно. Режиссер не всегда чувствует ту грань, за которой танец перестает быть необходимым компонентом его спектакля, превращаясь в самостоятельный эстрадный номер.

Есть, между прочим, среди действующих лиц пьесы даже профессиональная танцовщица — Аманда. Думается, она в этом спектакле несколько не на месте. Можно предположить, что С. Беседина — многообещающая молодая актриса, она многое делает для того, чтобы попасть спектаклю в тон. И все же любовные метания Аманды, плохо к тому же мотивированные пьесой, как их ни играй,жутся привнесенными откуда-то извне. Это иной театр, иной стиль.

На редкость удачную единую постановку нашел для спектакля художник И. Сумбаташвили. Она и проста, и строга, и в то же время эффектна. Это словно бы постамент для великолепных скульптурных мизансцен. А в финале совершается истинное театральное чудо, когда лестница, обыкновенная лестница, вдруг превращается в символическую дорогу жертв и побед, по которой, озаряемые ослепительно красными вспышками, поднимаются трое...

Да, разговаривая, думая о новой работе театра имени Пушкина, неизбежно возвращаешься к финалу. И потому, что в финале спектакль сконцентрирован как бы весь. И еще потому, что, когда через мгновение вспыхивает свет, вы становитесь свидетелем совершенно незабываемых минут. На всех первых представлениях в зале присутствовали кубинцы. И они подбежали к рампе, поднимались на сцену, аплодировали бурно, долго, взволнованно, жали руки режиссеру, авторам, актору. Посланцы далекого острова признали спектакль своим...

К. ЩЕРБАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «День рождения Терезы». Фото А. Гладштейна.

